

Книги Евгения Щепетнова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

БЛУЖДАЮЩИЕ ТЕНИ

СЛАВА. ГЛАДИАТОР ПОНЕВОЛЕ

СЛАВА. ЗВЕЗДНЫЙ ВОЛК

СЛАВА. ЗВЕЗДНЫЙ ПОСЛАННИК

СЛАВА. ВОЗРОЖДЕНИЕ

СЛАВА. НАСЛЕДНИК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЕВГЕНИЙ ЩЕПЕТНОВ
СЛАВА.
НАСЛЕДНИК

РОМАН

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Щ56

Серия основана в 1992 году
Выпуск 874

Художник
В. Федоров

Щепетнов Е. В.
Щ56 Слава. Наследник: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 344 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1619-6

Земля снова очутилась в вихре войны. Бьются насмерть гигантские звездные крейсера, гибнут люди, теряя надежду на избавление. Придет ли оно? Кто поможет защитить землю от жестоких захватчиков?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1619-6

© Щепетнов Е. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ГЛАВА 1

— Сколько еще мы будем так летать? — грустно спросила Лера. — Какая звезда? Седьмая? Десятая? Я уже со счета сбилась. И ни следа цивилизации.

— Ну как «ни следа»? — лениво потянувшись, спросил Слава. — А прошлая, зеленая звезда? Там же есть какая-то цивилизация.

— Это какая? Цивилизация плюшевых мишек, что ли? Эти существа не вышли из каменного века. С дротиками бегают. Отравленными. Какая, к черту, цивилизация!

— Ну... какая ни есть, а цивилизация. Чего ты хандришь? Все под рукой — есть, пить, развлечения, я рядом... Представь, что мы сейчас в большом круизе. Вроде как свадебное путешествие. Летим себе, осматриваем достопримечательности Вселенной, радуемся жизни — чего ты переживаешь-то?

— Не знаю, Слав, — поежилась Лера и провела руками по своим гладким бедрам, не прикрытым одеждой. — Скучно, наверное. Видно, привыкли мы жить все время в напряжении, а теперь... теперь такое ощущение, как у пассажира поезда, остановившегося на станции. Такое тя-а-ану-у-уще-е ощущение — скорее бы поехал, чтобы снова колесами по стыкам...

— По Хагре скучаешь, что ли? Только вроде расстались — прошло-то с месяц, не больше. Можем слетать, посмотреть, как она там... если хочешь.

— Скучаю. Но возвращаться не надо. Вперед и только вперед... — Взгляд Леры устремился в пространство. — О родителях думаю: как они? С Колей пообщаться бы интересно. Вообще что сейчас на Земле происходит? Как они там

справились с последствиями инопланетного нашествия? Не чужая ведь нам Земля. А эти новые планеты... они злые, абсолютно чужие!

— А помнишь ту, с голубым солнцем? Красивое море, правда? Там жизнь еще только начинается. Море шикарное и без всякой пакости, как на этой... где помесь акул и крокодилов.

— Брррр... не вспоминай! — поежилась Лера. — Эта тварь так на меня кинулась — я еле успела отскочить! И как бегают! Нет, представить страшно — акула носится посуху, как лошадь! Вот мерзкая гадина! То-то там вокруг моря километров на сто никакой живности нет крупнее мухи! Все сожрали, сволочи!.. А сейчас куда мы подлетаем? Что тут за система? — Лера глянула на дисплей навигатора.

— Я приказал Косу выбрать системы со звездами, похожими на Солнце. Хватит нам этих белых и голубых — у них слишком мощное излучение. Меньше вероятность зарождения жизни, да и вряд ли на их планетах кто-нибудь из зеленых устроит свою базу. Мы же ведь все-таки не в свадебном путешествии, а ищем информацию, способную нас привести к Земле. Или к Алусии. Скорее к Алусии, потому что базы тут могли устроить алусианцы или их предки. Или те, кто с ними контактирует. Кос, доложи, как обстоят дела с планетами, — обратился Слава к мозгу. — Шарги мне говорит, что хочет понежиться под лучами местного солнца, полакомиться радиацией. А нам хотелось бы слетать на планету, развеяться, пока он обедает. Есть что-то подходящее? Кислородная планета?

— Есть. — Голос мозга Лаборатории, как и всегда, был лишен эмоций. — Две планеты с кислородной атмосферой, с силой тяжести девять десятых стандартной единицы. Судя по полученной информации — обитаемые.

— Обитаемые? — оживилась Лера. — Какой уровень цивилизации?

— Уровень «дэ три».

— И что это за «три дэ»? — Лера создала с помощью системы обеспечения стакан апельсинового сока и задумчиво из него отхлебнула. — Опять медвежата-коала с копытами?

— Мне неизвестен термин «коала». Судя по полученной информации, планеты населены человекоподобными существами.

— С чего ты взял? Дай информацию, — вмешался Слава.

— Получен запрос. Модулируемый шифрованный сигнал. Распознать нет возможности — нет ключа.

Неожиданно Слава нахмурился и взволнованно вскочил с места. Потом снова уселся и зажал голову руками.

— Слава, что с тобой? Что-то случилось?! — Лера так напугалась, что чуть не выронила стакан.

— Шарги передает: нас захватили!

— Как — захватили?! Кто захватил?! — всполошилась девушка и, бросив стакан на пол, приказала: — Кос, полную информацию о том, что происходит!

Позитронный мозг Лаборатории помедлил секунду — что само по себе было весьма тревожно, потому что по быстрдействию с ним ничто не могло сравниться. Значит, проблема столь сложна, что ему пришлось невероятно долго думать. Наконец он выдал:

— Корабль захвачен гравитационным лучом и вынужденно перемещается. Поступает серия модулированных сигналов, пока не поддающихся расшифровке. Похоже, что нам пытаются что-то сообщить. Прогноз времени расшифровки дать невозможно.

— Направление перемещения?

— Вторая от солнца планета. Луч ведет туда.

— Слав, а что, Шаргион не может уйти на планетарных? — недоуменно спросила Лера.

— Нет. Мощности не хватает. Луч тащит его, как щенка на веревочке. Шарги очень силен, но все-таки не всемогущ.

— А уйти в подпространство?

— А куда выкинет? Рассчитать невозможно — слишком велико влияние гравитационного луча. Случится сбой, и можем вообще оказаться внутри звезды. Этого даже Шарги не перенесет.

— Так что, тащиться, куда ведут? А если ударить бластером?

— И уничтожить жизнь на планете? Стрелять-то куда? Кос, откуда идет луч? Какие-то установки видны?

— Нет. Устройства захвата находятся внутри планеты. На какой глубине — неизвестно.

— Слыхала? Пусть подтащит поближе, тогда и узнаем, кто это и чего он от нас хочет.

— А если посадит на планету?

— Ему же хуже. Он же не знает, что на борту корабля есть такая вредина, как ты. Задолбаешь его вопросами, и он тут же скончается. Кстати сказать, мы можем вообще не выходить из Шарги. Нам тут ничего не грозит, питания хватит на десятки, а то и на сотни лет. Энергии — море. Пробить нашу, вернее, броню Шарги, практически невозможно. По крайней мере, планетарным оружием. Даже термояд его не возьмет: для него это как бифштекс к обеду. Покушает и срыгнет то, что не съел. Слава богу, теперь сброс лишней энергии из накопителей работает просто на ура. Такой штуки, что случилась во время боя с линкорами, больше не будет. Он не сможет переест и «несварения желудка» у нашего кораблика не предвидится. О, кстати, ругается... говорит: увидел из файлов Коса, что такое несварение желудка, и очень недоволен. Говорит: наша физиология отвратительна.

— Хотелось бы мне с ним общаться напрямую, — с сожалением вздохнула Лера. — Нельзя это как-то устроить?

— Увы. Он разговаривает только со своим пилотом... Впрочем... хм... туплю я что-то. Раз он может общаться с Косом и маршевым мозгом, то через них... — Слава замер, закрыв глаза, и через несколько секунд заговорил Кос, позитронный мозг биологической лаборатории:

— Наконец-то! И как мы раньше не додумались? Это я, Шаргион, Лерочка! Теперь ты можешь со мной говорить, если Слава позволит.

— А чего мне вам не позволять? — великодушно разрешил Слава. — Болтайте, чего уж там. Но только до тех пор, пока мне не понадобится Кос. Тогда он тебя отключит. Или я просто спрошу у него через тебя. Шарги, что происходит? Куда нас волокут?

— Я не знаю. — Голос корабля был механическим, но все равно чувствовалась его озабоченность. — Если будет совсем плохо, я ударю из мегабластеров. Нам придется уничтожить эту планету... если сумеем. Если гравитационная ловушка запрятана глубоко — тогда... тогда плохо. В таком случае будем рисковать и стартовать в подпространство прямо с поверхности планеты, хотя это строго-настрого запрещено вбитыми в меня законами передвижения в пространстве.

— Почему? — спросила Лера. — Почему нельзя прямо с планеты?

— Слава тебе уже говорил: можно оказаться в центре какой-нибудь звезды. Есть такая вероятность, вполне реальная. При расчете вектора движения, если рядом оказывается небесное тело большой массы, то... в общем, долго рассказывать. В семидесяти процентах вектор заканчивается в каком-нибудь крупном объекте — звезде или планете. В звезде мы сразу умрем, а в планете будем жить долго, насколько хватит жизни. Пока планета не развалится. Или Вселенная. Это в лучшем случае. А в худшем — структуры наших тел и планеты совместятся. Мы станем планетой.

— Бррр... — поежилась Лера, — не хочу быть замурованной на всю жизнь. И умирать тоже не хочется. Шарги, через сколько времени мы окажемся на планете?

— Если скорость не уменьшится, часа через два. Нас введут в определенную точку. Я уже рассмотрел: это какое-то плато в горах, километров сорок в поперечнике. Гладкая поверхность, как будто искусственная. Похоже, что это что-то вроде космодрома, но я могу ошибаться. И сдается, что эта планета — база для космических кораблей или нечто подобное. Как я, например. Только я — база летающая, а это — стационарная. Может, она построена моими создателями? У меня шевелятся какие-то смутные воспоминания на этот счет. И еще — над планетой летают платформы, по виду напоминающие... Ну, смотрите сами, видите? Что они вам напоминают?

— Алусийские города-платформы! — возбужденно крикнула Лера, вглядываясь в очертания проплывающих

внизу, над планетой, серебристых пластин. — На таких у них стоят дома!

— Тут не дома стоят, — задумчиво сказал Слава, вглядываясь в спутниковые платформы. — Шарги, ты можешь увеличить изображение?

— Почему — нет? Могу! — Изображение, зависшее на дисплее, стало расширяться, как будто зрители стремительно приближались в объекту наблюдения, и скоро заняло весь десятиметровый обзорный экран рубки.

— Точно! — утверждая свои предположения, кивнул Слава. — Лер, видишь вон те порты у башенок? Это оружейные порты. Там бластеры стоят. Кстати, заметьте: они, эти летающие штуки, сильно потрепаны. То ли метеоритные атаки, то ли что-то иное. В общем, старые это штуки, очень старые. А может, снести их к чертовой матери?

Лера пожала плечами:

— А вдруг там нужная информация? Снести-то недолго. А смысл какой? И кроме того — может, нас как раз и ведут к хозяевам этих спутников, зачем сразу начинать войну? Кто любит, когда гость, войдя в его дом, начинает бить посуду? Нет уж, не надо. Разбивать нас они вряд ли собираются, вначале нужно узнать, что хотят. Впрочем... не слишком ли мы спокойны? Шарги не так уж и неуязвим! А если нас сейчас грохнут о поверхность планеты? Шарги, какую ты сейчас выдаешь мощность планетарных двигателей?

— Никакую. Чего я буду мучить планетарники, когда нас и так волокут? Когда начали тащить, я попробовал сопротивляться — ощущение было такое, как если бы я полностью потерял способность двигаться. Их тяга гораздо сильнее, чем могут выдать мои двигатели. Если я увижу, что они хотят разбить нас о планету — тогда стартуем в подпространство, и будь что будет. Я вам должен сообщить одну интересную информацию: этот космодром уставлен множеством кораблей.

— Каких кораблей?! Что за корабли? Шарги, ты можешь рассмотреть и определить их конструкции?! — заволновался Слава. У него даже слегка перехватило дыхание: неужели? Неужели они все-таки найдут путь к Земле?

— Каких только нет. И ничего похожего на то, что мы прежде видели, — башни, иглы, кубы, прямоугольники, какие-то витые конструкции... Я не могу определить их принадлежность. Кос сообщил, что видит несколько кораблей из их звездной системы — транспорты и крейсера. Многие разбиты, расстреляны. От некоторых остались одни остовы. Вокруг разбросаны подбитые флаеры и их части. В общем — мусорка. Опять нас вызывают! Язык пока не поддается расшифровке — запросил Коса.

— Шарги, дай изображение на экран. Я имею в виду — космодрома, — попросила Лера. Ее глаза горели, она раскраснелась, и Слава невольно залюбовался женой — все-таки она красавица, его Лера. За то время, что они были вместе, девушка прошла буквально через ад: из простой студентки превратилась вначале в мутантку, изготовленную для гладиаторских боев, потом в псионика, прошла через свою смерть, обитая в одном теле с подружкой Хагрой, убившей ее по приказу Мудрых, а затем стала метаморфом, способным изменять свое тело так, как она пожелает. После того как она освоила способности метаморфа, Лера снова обрела свой обычный облик, тот, к которому привык Слава: короткие светлые, практически белые, волосы, смуглая кожа, полные яркие губы и синие глаза. Казалось, что они светились, как два маленьких фонарика, — такими были яркими. Увы, сменив тело, Лера утратила часть своих способностей — например, невероятную силу и скорость, полученные в результате мутации, сделавшей ее подобной царице леса — пантере. Зато приобрела способности к телекинезу.

Впрочем, что касается физических способностей, ее легко трансформируемое тело теперь могло увеличить физическую силу в несколько раз, пусть даже оно и недотягивало до прежнего уровня. Но зачем ей теперь они, такие способности? Это на планете амазонок основным условием выживания женщин были сила, скорость и умение биться на мечах. Вряд для где еще они пригодятся. А ведь Лера не только умела драться на мечах — она владела любым известным в мире оружием и любого противника могла убить

голыми руками. У них со Славой были хорошие, очень хорошие учителя. Жаль, что одного из них пришлось убить. Впрочем, нет, не жаль. Он был откровенным подонком. Но как специалист великолепен. Так все же, нужны ли ей прежние способности пантеры-убийцы? Возможность придать своему телу любую форму — это ли не лучший способ защиты и нападения? А кроме того, псионические способности. Пусть они и слабее, чем у Славы, но... удержать в воздухе груз весом в тонну, выбросить гравитационный «плевок», способный размазать противника, — это для нее запросто. И еще множество очень, очень интересных фишек. По человеческим меркам, Лера была могущественной волшебницей. Послабее Славы, но очень сильной колдуньей. Почему колдуньей? Ну, а как на Земле называли людей, обладающих псионическими способностями, умеющих творить чудеса? Колдуны и колдуньи, именно так.

Что у Славы и Леры осталось человеческого? Внешняя оболочка? А что такое человек? Кто может сказать, что такое человек и чем он отличается от зверя? Люди не раз доказывали, что они хуже зверей. Так стоит ли гордиться человеческой оболочкой, если внутри, в мозгу, сидит зверь, ищущий выхода и вырывающийся наружу тогда, когда человек считает, что его телу угрожает опасность.

У Славы и Леры внутри изменяющейся, многократно мутировавшей оболочки находились настоящие человеческие души. Ни рабство, ни жесточайшая ломка их характеров не смогли изменить их. По сути, они были веселыми, добродушными людьми, и только тогда, когда видели несправедливость и зло, в них просыпался зверь, тот зверь, которого воспитывали в них непрошенные учителя. И тогда не было пощады врагу. Но ведь добро должно быть с кулаками, не правда ли? По крайней мере, Слава и Лера так считали.

Шаргион приблизил изображение космодрома, медленно плывущего навстречу кораблю, и люди впились глазами в унылую картину космических кораблей, беспорядочно разместившихся на площадке. Да, некоторые из них были очень, очень стары. Их полуразрушенные остовы напоми-

нали левиафанов, выброшенных на берег ураганом. Обломки валялись рядом, как будто кто-то пытался их утащить, но не смог и бросил металл на площадке. Некоторые из кораблей выглядели так, как будто только что сошли со стапелей — блестящие, полированные; один из них сильно напоминал «Соргам», и у Славы защемило сердце — как они там? Как там Наташка, как Сильмара, что с Петром и Семеном, бывшими инвалидами, а потом мозгами — пилотами звездных крейсеров? Смогли ли они защитить Землю от пиратов-рабовладельцев, выжили ли в звездных войнах или погибли, прикрыв собой планету? Увидят ли они их когда-нибудь?..

— Вижу каких-то существ, — сказал Шаргион, и его видеодатчики вцепились в мелкие копошащиеся фигурки возле одного из «левиафанов».

Изображение придвинулось, и стали видны животные, запряженные в телеги, люди, машущие какими-то инструментами («Кувалды?! Какого черта?! — изумился Слава. — Что тут происходит?!»)

— Слава, ты видишь? Они вроде как на лошадях! И это рядом со звездолетами?! Как такое может быть?

— Спроси, чего попроще. Сам не понимаю. А то, что они делают, добыча металлолома, похоже на то.

— Чудны твои дела, Господи... Ничего, скоро узнаем, что тут творится.

— Скоро... — эхом откликнулся Слава, а сам призадумался: куда опять привела их судьба? Мало им испытаний — еще подвалило. И откуда тут столько кораблей...

— Шарги, пусть Кос посчитает, сколько кораблей находится в пределах видимости — и целых, и разбитых.

— Тридцать девять, не считая мелких флаеров.

— Не так уж и много, — пробормотал Слава и снова уставился в экран, наблюдая за растаскиванием громадного транспортника, напоминающего тот, с которого началась цивилизация на планете амазонок.

— Шарги, сколько осталось до посадки?

— Полчаса. Если будем идти с такой же скоростью.

— Вокруг ничего не видно — есть ли флаеры или другие

аппараты? Может, засечешь какую-нибудь боевую активность — пушки, ракеты, бластеры?

— Ничего. Пространство пустое, кроме птиц и каких-то летающих тварей, ничего нет.

— А что за летающие твари? — поинтересовалась Лера

— Не знаю. Аналогов в моей памяти нет. У Коса — тоже. То ли птицы, то ли... в общем, не знаю. Сядем — разберемся. Нас ведут на свободное место в северной части космодрома.

— Все. Мы на месте, — объявил Шаргион. — Сканирую окрестности. Чисто. Кроме тех существ, что разбирали звездолет. Они движутся к нам со скоростью десять километров в час. Будут здесь часа через два или чуть раньше.

— Я все не могу понять — что за сила у этой штуки, что она смогла посадить Шарги! Да его мощь превосходит силу многих планет! КАК это возможно?! — не могла успокоиться Лера, обращаясь к мужу.

— Не заморачивайся. Узнаем. Готовься к выходу: полная экипировка — броня, лучеметы. Возьмем пару киборгов — мало ли кто нас встретит. И вот еще что... вначале я выйду один, потом уже ты. Шарги, нас больше не вызывают? Кстати, а почему ты изображения не дал того, кто вызывает?

— А не было изображения. Помехи, и все. Голос дребезжит, язык какой-то странный, такого в базе данных нет. Как птичий — щелкает чего-то, модулирует. Дать звук?

— Не надо. Смысла никакого. Гравиплатформу давай. Флаеры пока трогать не будем — не нравятся мне обломки флаеров вокруг. Что-то нечисто. Может, сбивают?

— Слава, может, я все-таки с тобой пойду, а? Ну чего ты один? Я хоть прикрою, если что...

— Отсюда прикроешь. Встанешь у выходной диафрагмы с бластером наготове. Но без команды не стреляй, слышишь?

— Слышу, — обиженно кивнула Лера и пошла из рубки, всем своим видом выражая неодобрение действиям мужа. Слава автоматически проводил взглядом ее стройную фи-

гурку, едва прикрытую узкими шортами, и усмехнулся: война войной, а... В общем, и на войне есть место любви.

Шаргион плавно опустился на плато, даже не дрогнувшее под его весом, — пятикилометровая лепешка должна иметь огромную, просто невероятную массу. Он возвышался над космодромом как гора, и все корабли, что стояли на плато, в сравнении с ним были карликами. Почти все. Некоторые экземпляры достигали в длину до километра, и Слава гадал, что это были за сооружения.

Вся соль была в том, что не менее половины этих дредноутов вообще не могли садиться на планеты! Они разрушились под своим весом — как вот этот шар, сильно напоминающий один из линкоров Алусии, настолько сильно, что у Славы даже заныло сердце: ему вспомнилось, как они пробивались через строй таких плюющихся огнем монстров и каждая клеточка Шаргиона рвалась от боли, получая все новые и новые удары. Это трудно забыть. Просто невозможно. Шаргион будет помнить это вечно, пока жив, и Слава вместе с ним.

Ведь Слава и Шаргион фактически единое целое: корабль суть орган тела Славы, а Слава — орган Шаргиона. Разделить их — и результат непредсказуем. Возможно даже, что они или погибнут, или сойдут с ума.

Слава иногда думал над этим, и каждый раз его пробирал мороз: обезумевший корабль с мегабластерами на борту, сметающий все на своем пути, — это ли не жуть! Шарги успокаивал его, слегка посмеиваясь, — корабли не сходят с ума, как люди. Но богатая фантазия Славы все равно возвращалась к этому, достойному пера фантаста варианту развития событий. Он уже давно убедился — во Вселенной может быть ВСЕ. Все, что только может придумать мозг человека. И что не может придумать — тоже.

Через час они уже стояли у мембраны наружного выхода. И Слава, и Лера были одеты в угольно-черную броню средней защиты, несколько комплектов у них еще оставалось. Эту броню не брали ни допотопное оружие, стрелковое и холодное, ни легкие игольчатые лазеры, пристегнутые сейчас у них на предплечье. Их можно было пробить

лишь тяжелым стрелковым оружием, либо армейскими пулеметами. Само собой, про полевые армейские бластеры и иже с ними речь и не идет. Как и о мегабластерах, способных испепелить целую планету.

Лера осталась стоять наверху, Слава же погрузился в гравиплатформу и начал спуск на планету. Высота Шаргиона была так велика, что спуск даже на большой скорости занял около минуты.

Опустившись на плато, Слава огляделся: ровная поверхность, сработанная из оплавленного природного камня. Ни одной трещины, ни одного разлома — было похоже, что каким-то апокалиптическим сварочным аппаратом камень сварили в единую плиту.

Землянин нажал кнопку под левой подмышкой — шлем раскрылся, как цветок, и спрятался на спине, образовав небольшое утолщение. В случае чего его всегда можно вернуть на место. В скафандр хлынул свежий воздух, обжегший легкие, привыкшие к кондиционированному воздуху корабля. Горячий ветер ударил в глаза, запорошив их пылью и пахучей пылью неизвестных трав. Он пах чем-то неуловимым, странным и... приятным. Так надоело сидеть в однообразных помещениях, так хорошо на воле! Пусть даже эти помещения и были комфортабельными, как гостиница высшего разряда, но воля есть воля.

— Слава, караван приближается. Они от тебя в ста метрах. Сейчас выйдут из-за «иглы» справа от тебя. Будь настороже — я вижу у них оружие.

— Я всегда настороже, — залихватски ответил Слава и тут же понял, что сказал правду. Он всегда настороже. Где бы ни был и чем бы ни занимался. Даже в постели. Научили быть настороже...

Первое, что он ощутил, — резкий запах мускуса. И пота. Потом из-за высокой иглы корабля выскочили семь животных, похожих на лошадей, но у них были рога, а еще шесть ног. Да и морда мало напоминала лошадиную: небольшие клыки торчали в уголках пасти. На «лошадях» сидели в приспособлениях типа седла существа разных рас — одни были похожи на людей, другие... ни на кого не похожи.

Впрочем, память бывшего гладиатора услужливо выдала информацию: «Зелоры. Планета Уук. Племя кочевников. Учетверенная сила тяжести придала им огромную силу и мощный костяк. Оружие — луки и тонкие длинные сабли. Стрелы отравленные. Никогда не сдаются и бьются до конца. Женщины не менее опасны, чем мужчины. Используются как солдаты. Каннибалы. Опасны».

Оружие у всех было разным — и у людей, и у нелюдей: от коротких мечей вроде мачете до неких штук, очень даже напоминающих лучеметы. У двоих в руках Слава заметил еще что-то вроде грубых револьверов — глаз сразу ухватил барабаны, в которых должны были находиться патроны. Люди выглядели обычно — опаленные солнцем и ветром мужчины, в полотняной светло-серой одежде, похожие на фермеров или ковбоев с дикого Запада.

Следом за всадниками появились пять кентавров — в перевязях, так же увешанные оружием.

Слава приготовился к самому худшему. Увидев его, всадники и кентавры снизили скорость и приближались уже медленно, всем своим видом выражая миролюбивые намерения. Подъехав, они остановились, а один из людей — огромный кряжистый мужчина лет сорока — спешился, перекинув удила через голову ездового чудовища. Тому не понравилось поведение всадника, и он попытался куснуть мужчину за плечо зубастой пастью, за что получил от хозяина громкий шлепок по морде. Это привело его в еще большее раздражение, зверь встал на дыбы и едва не поднял в воздух человека, держащего поводья. Тот что-то яростно выкрикнул, видимо, ругательства, целым залпом, а стоящие вокруг спутники захохотали. Заржали и кентавры — один из них даже похлопал себя ладонями по крупу и заплясал на месте. Мужчина резко что-то сказал, после чего все компания притихла и замерла. Из чего Слава сделал вывод: он их командир или хозяин — хотя окончательно статус этого бородача, яростно смотревшего из-под густых, сросшихся на переносице бровей, не был ясен.

Наконец строптивное животное было усмирено, человек встал перед Славой и начал что-то говорить все время на

разных языках. Слава беспомощно развел руками: не понимаю, мол, и тогда вперед вышел другой человек, неуловимо напоминающий алусийцев — у него была слегка зеленоватая кожа и широко расставленные глаза.

— Ты есть кто? — спросил он с жутчайшим акцентом на языке Алусии, и Слава облегченно вздохнул: слава богу, похоже, они все-таки нашли то, что нужно!

— Человек, — усмехнулся Слава, и спрашивающий перешел это остальным.

Они загомонили, засмеялись, а один из зелоров что-то презрительно сказал и сплюнул, что привело окружающих в еще больший восторг. Зеленый тоже усмехнулся и, отрицательно покачав головой, сказал:

— Пока ты не человек. Ты руаз. Бесправный. То, что у тебя, принадлежит государству. Ты не можешь иметь собственность. Мы — люди. А ты пока нет.

— Да-а? — с интересом спросил Слава. — И как же вы собираетесь забрать у меня то, что принадлежит мне? Драться будете?

— Нет. Сейчас не будем. Уверен, что у тебя на корабле есть какие-нибудь штуки, чтобы нас убить. И если ты прикажешь ему нас убить — он это сделает. Но если ты захочешь спуститься с Космодрома и жить на планете, тебе придется жить по нашим законам. А по ним ты — никто. Так что, если хочешь жить в нашем мире, ты должен сдать все, что у тебя есть, и Командир выделит тебе твою долю. Впрочем, у тебя есть и другой выход: ты можешь жить на корабле. Всегда. Вечно. Но не отходить от корабля более чем на сто метров — иначе будешь уничтожен.

— Так просто? А если я высажу сейчас десант, тысяч пятьдесят бойцов при поддержке боевых роботов? И захвачу вашу планету?

— Пробовали уже. Бесполезно, — усмехнулся зеленый. — Посмотри во-он туда... Видишь кости в броне? Эти существа пытались проделать ту же штуку. От них остались только высохшие кости и ошметки брони. Хозяин не допускает скопления разумных существ количеством более ста человек. Никаких летающих штук, никакого оружия круп-

нее игловика или пистолета. Никаких машин и флаеров. Стоит тебе выстрелить из своего лучемета, и ты будешь уничтожен с платформ, летающих на границе стратосферы. Хочешь проверить? Тогда выстрели из своей штуки. Только подожди, пока мы отойдем — иначе здесь будет очень жарко.

— Хозяин — это кто?

— Это Хозяин. Он нас тут держит. Он установил правила, по которым мы должны жить. Никто не может противиться воле Хозяина. Иначе он накажет. Видишь вон ту лепешку? Это был корабль. Он осмелился напасть на летающие платформы — обстрелял их из бластеров и ракет. Теперь от него осталась вот эта металлическая лепешка.

«Из огня, да в полымя! — подумал Слава. — Попали в тюрьму! Шарги, как думаешь, его обещания имеют под собой почву? Ну — раздавить тебя?»

«Слав, если он сумел посадить меня на планету, то вполне допускаю, что он может увеличить мощность гравитационного луча. Запас прочности у меня велик, но не бесконечен. И я не могу дать гарантии, что уцелею, если сила тяжести, к примеру, составит миллион g или больше. А теоретически такой луч дать можно — при достаточном запасе энергии».

«Узнай у Коса: есть ли у него какие-то сведения о подобных планетах. И вообще, что здесь происходит?»

«Уже. Сведений нет. Это что-то очень, очень древнее. Похоже — артефакт Предтеч».

«Что за Предтечи?»

«Прародители всех цивилизаций. Вроде как существовала какая-то древняя цивилизация, распавшаяся потом на мелкие, раздробленные островки разума. Иногда находят базы со странными механизмами и устройствами, непонятно для чего предназначенными и непонятно как управляемыми, но очень, очень редко. Так что поздравляю. Нам повезло найти артефакт».

«В ... такое везение!? — в сердцах выругался Слава, а Шаргион тут же стал расспрашивать: как везение туда уме-

ститися и вообще каков философский смысл Славиного высказывания».

Обмен фразами прошел у Славы и Шаргиона практически за две-три секунды — все-таки в псионическом общении есть свои преимущества. Получалось: все равно как разговариваешь сам с собой. С собой-кораблем.

— Ну так что? — нетерпеливо спросил абориген и, вздохнув, вытер пот со лба, после чего на нем осталась грязная дорожка.

Слава задумчиво проводил взглядом его движение и рассеянно спросил:

— А где я могу узнать свод законов, по которым тут живут? И кстати сказать, а если я решу сойти с Космодрома, каким образом меня могут заставить исполнять эти законы?

— Если ты или кто другой сойдете с Космодрома без разрешения Командира, будете уничтожены. Видишь у меня на щеке знак? Его поставят, когда тебя зарегистрируют как гражданина. А если знак окажется незаконным, то есть ты сам его поставишь, будешь предан немедленной смерти. У нас есть способы узнать правильный знак или нет. Видишь — у всех знаки разные? Код знака знают только чиновники из Совета. Потому ставить татуировку самому бесполезно. Где узнать законы? А вот когда станешь гражданином, тогда тебе и дадут перечень законов, по которым ты будешь жить.

— А как я дам ответ, если не могу сойти с Космодрома? — усмехнулся Слава.

— Не будь глупым. Мы — стража Космодрома. Принимаем новоприбывших и препровожаем их в Совет. Ну, а параллельно добываем металл и то, что найдем из инопланетных штучек.

— А скажи, был кто-то, кто отказался следовать законам и остался жить в корабле?

— Более чем достаточно, — нехотя признал зеленый. — Вон, видишь эту блестящую башню — там уже сорок лет живет экипаж. Сделать мы им ничего не можем, но и сойти с Космодрома не даем. Так и сидят себе за броней. Ничего,

жратва и вода кончатся — вылезут из своего ведра! И вон еще пара больших кораблей — там тоже есть экипажи. По Космодрому они ходить могут, за него — нет. Кстати, предупреждаю: никаких боевых роботов, никаких автоматических флаеров — платформы сразу их определяют и расстреливают мгновенно. Ну, вот пока все, что тебе надо знать. Охрана живет в корабле на краю Космодрома, на нем нарисован красный крест. Если надумаешь влиться в ряды граждан — найдешь нас. Я думаю, что твой корабль порадует Командира. Такой здоровенной штуки мы еще не видали. Много, видать, в нем ценных вещей...

— Последний вопрос: кто такой Хозяин и где он сидит? — небрежно осведомился Слава и внутренне напрягся. Честно сказать, это единственный вопрос, который его интересовал. Законы мертворожденного государства были ему совершенно безразличны. Он не собирался им следовать. Убрать этого самого «Хозяина» — вот основная задача. Где-то внутри планеты находится сверхмозг, который всем тут и рулит, с непонятной целью захватывая корабли, неосторожно приблизившиеся к звездной системе. Платформы для Шаргиона были сущей ерундой — пару выстрелов из мегабластера, и небо чисто. Но вот последствия...

— Никто не знает, — с ноткой превосходства ответил абориген. — Хозяин — он везде! Он — сама сущность этого мира! И не вздумай узнать, где обитает Хозяин, — ты умрешь!

— Как хоть ваш мир называется? — вздохнув, осведомился Слава.

Разговор ему уже наскучил. Похоже было, что ничего нового от этого зеленомордого он не добьется.

— Это Саранг.

— А сколько тут населения? Кто живет в этом мире? Я смотрю: даже кентавры есть. И что, все подчиняются одним законам?

— Закон Хозяина один! — уклончиво ответил абориген. — И вы останетесь на Саранге навсегда.

— Это видно будет, — пробормотал Слава и, уже не обращая внимания на стражей Космодрома, прошел к гра-

виплатформе. Под молчание толпы аборигенов погрузился на площадку и полетел вверх, размышляя: сейчас по нему пальнут из стратосферы или попозже.

Выстрела не случилось, так что платформа благополучно достигла мембраны входа. Немного подумав, Слава пришел к выводу: мозг, управляющий космическими платформами, счел его средство передвижения неопасным, чем-то вроде лифта.

Лера с волнением ждала его у выхода и, когда Слава появился, бросилась к нему на шею, обхватив бронированными руками.

— Наконец-то! Я боялась, что тебя влет собьют!

— Не смогли бы. Ты же знаешь, я за несколько секунд до выстрела успел бы спрыгнуть. Я же все-таки псионик. Ну что, слышала все?

— Слышала. Идиотизм какой-то. Ты проверил его на ложь?

— Само собой. Что касается сдачи имущества и так далее — брехня полнейшая. Кто посильнее — ни хрена им ничего не сдает. А вот насчет Хозяина — все точно. Шарашат с небес из мегабластеров, прямо с платформ. Вся территория под контролем. В воздухе ничего, кроме птиц и вот тех летающих тварей. Я проверил его слова по поводу всемогущей страны — врет как сивый мерин. Есть у них какая-то организация, да. Типа мелкое княжество, управляемое «Командиром». Не больше. Про сто человек лимита — точно. Только стоит добавить: сто человек для войны. То есть собрались более ста человек и палят друг в друга или бьют дубинами — тут же небесная кара, и число воюющих пропорционально уменьшается. Интересно, с чего такой лимит? Вот сто человек — бейте друг друга по башкам, а сто один — уже нельзя. Самое главное, что выяснил, — язык, на котором мы говорили, практически алусианский, только измененный. Значит, у нас есть шанс найти то, что нужно: информацию о дороге домой.

— Слава, а ты уверен, что мы одолеем этого самого Хозяина? — нерешительно спросила Лера. — Что-то тревожно мне. Как ты думаешь, что вот это все такое?

— Хм... Мы с Шарги обсудили это дело и думаем, что это наследие Предтеч, древней цивилизации, распавшейся и оставившей по всему миру артефакты — такие, как этот. Скорее всего, это или древняя база для приема кораблей, или же заградительная крепость. Почему Хозяин установил такой лимит, ограничения на цивилизацию — я не знаю. И очень интересно: а как он может следить? Нужны очень чувствительные датчики. Я не уверен, что он вообще всегда может уследить за происходящим... вот, например: закрыто небо тучами, и что? Впрочем, туплю — есть же датчики теплового излучения, да всякое излучение можно уловить — при желании! Так... а как же он с платформ это видит? Неужели прямо оттуда? Может, какие-то беспилотники? М-да, все сложно, все неясно...

— А может, беспилотник запустим, попробуем? Может, врут про неминуемую гибель?

— Лер, у нас беспилотников — раз-два и обчелся. Завещаю тебя: я видел в мозгу этого типа картины уничтожения флаеров. И валяется там их несколько штук. Оплавленные обломки. Я не хочу уничтожать беспилотник ради того, чтобы посмотреть, как он горит. В общем, исключено.

— Слушай... я не могу понять: как они уничтожают боевых роботов? Нет, как уничтожают — это понятно, но вот как определяют, что это робот и его следует уничтожить?

— Полагаю, по каким-то внешним признакам. Например, по исходящему от них излучению. А может, просто по внешнему виду: состав здешней флоры и фауны известен, и если там появится чудовище вроде наших боевых «носорогов» — его отсканируют на предмет искусственности и... Забыл: роботы же еще обычно палят из лучеметов, а раз палнул — значит, уже подпадаешь под наказание. Лер, гадать можем долго и много, перебирать все варианты, только нам это ничего не даст. Надо выбираться из корабля и лететь на разведку.

— А на чем лететь? Гравискутеры, как я поняла, исключены. Крылья?

— Крылья. Будем как два орла. Вернее, орел и орлица, — усмехнулся Слава. — Я засек, во что одеваются местные

жители. Проникнем в их селение, выучим язык, спросим, что и как.

— А клеймо на щеке?

— Я сейчас изображу его тебе, а ты скопируешь. Что-то вроде сложного иероглифа, изобразить не составит труда. Возьмем одежду, игловики, вибромечи. Заметил: они все ходят с чем-то вроде мачете — нужно будет что-то такое придумать. Как бы это не был признак свободного гражданина. Слышала, что говорят? Руазы не имеют права ни на какие блага. Да, надо будет разведать, где еще есть города. И есть ли еще космодромы. Сдается мне, на Саранге он не один такой. Ага... Шарги говорит, что видел подобные плато по всей поверхности планеты. Думаю, что каждый Космодром находится под контролем определенной группировки, которую можно назвать страной. Вертелось что-то такое в голове зеленого — мелькали разные картинки. Я не успел как следует влезть к нему в мозги: времени было мало, да и они бы заметили, что творится что-то не то. Кроме того, чтобы его мозг не сопротивлялся, его надо ввести в транс. А это, сама понимаешь, чревато...

— Когда отправляемся?

— Не отправляемся, а отправляюсь. Вначале я один на разведку полечу, а уж потом, если понадобится, с тобой. Лер, ну, не делай такое лицо, а? Не надо нам двоим пока что лететь! Я обещаю: слетаю, посмотрю, как и что, потом прилечу за тобой. Договорились?

— Если тебя не будет больше одного дня, я полечу следом, что бы ты ни говорил.

— Я могу не успеть за один день. И куда ты полетишь? Что толку, что ты куда-то там полетишь? Как ты меня разыщешь?

— Наденешь маячок. У нас же есть переговорные гравибраслеты, включишь маячок, вот я тебя и буду видеть на экране.

— Ладно. Давай в рубку — там все обсудим. Тем более что я проголодался, пора бы и поесть. Погнали!

Они запрыгнули на гравитележку и помчались по широкому космопорту внутри Шаргиона мимо восстановлен-

ных роботами-ремонтниками флаеров, мимо рядов гравискутеров, мимо выстроившихся у стены безмолвных киборгов, которых незнающий человек мог легко принять за живых людей — мужчин в боевых скафандрах. Они стояли, глядя в пространство, молчаливые и неподвижные, как терракотовое войско древнего китайского императора, и ожидали сигнала, команды хозяина, чтобы идти в бой. Эти киборги были вооружены встроенными лучеметами, плюс держали мечеподобные клинки в «руках», которыми размахивали в бою со скоростью лопастей вентилятора. Страшное оружие, вывезенное с планеты амазонок. Их тут было около сотни, молчаливых и безжалостных убийц. В свое время Слава перенастроил их мозг, подчинив его себе. В этих существах из живого и был один лишь мозг, остальное — сверхпрочные металлы и пластик.

...Слава расположился полулежа в кресле перед гигантскими экранами рубки и внимательно всматривался в картинку, что подавал ему Шаргион. По всему выходило, что лететь следовало на юг — там находилось ближайшее селение аборигенов. Именно здесь ему предстояло захватить «языка», чтобы узнать, что на планете делается.

Судя по съемке, планета была покрыта множеством селений, и то из них, что находилось рядом с Космодромом, не самое большое. И космодромов действительно имелось около пятнадцати штук. Вполне могло быть, что у каждого из них был свой владелец.

С собой Слава решил взять минимум оружия — всего лишь вибронож. Отказался даже от игловики — лазера, стреляющего короткими импульсами. Вначале нужно осмотреться, а уж потом можно будет выбрать, с чем ходить и как ходить. Придется каким-то образом вживаться в местные условия, иначе как доберешься до Хозяина? Все равно где-то этот самый Хозяин должен быть. Под поверхностью планеты, или на ней, или в воздухе, но где-то он сидит и отдает приказы своим «рукам»-платформам, то есть обменивается с ними информацией, а значит, его можно найти.

У него появилась одна мысль. Слава поделился ею с Ле-

рой. Та долго молчала, потом покачала головой и сказала, что это самоубийственно. Но, если он считает, что может получиться, — пусть пробует. Но только пусть знает, что оставить ее одну на чужой планете, без защиты и опоры — это скотство, свинство и подлость. И что она покончит с собой, бросившись с Шаргиона. А еще — Шаргион сойдет с ума и, может быть, умрет, если со Славой что-то случится. Стоит того это идиотическое решение?

— Ну почему идиотическое? — попытался защищаться Слава. — Посмотри, как элегантно получается: уничтожить платформы и — все! Или перенастроить их!

— Слав, будь разумным, не спеши! Представь: ты летишь на платформы, одетый в бронескафандр — что должен подумать сверхмозг планеты? ЗАЧЕМ к его, как ты говоришь, «рукам» летит металлизированный объект? Чтобы почистить броню от нападений метеоритов, так, что ли? Вряд ли. Скорее всего это боевая космическая торпеда. Значит, что надо? Уничтожить эту ракету! Из бластера не получается? Тогда есть гравитационный луч! Ты пойми: он Шаргиона посадил! Уж, наверное, у него достанет сил, чтобы поймать и хряснуть о планету такой мелкий объект, как безумный капитан Шаргиона!

— Ладно. Уела, — признал Слава, — не полечу я на платформы. Не оставлю вас тут, таких несчастных.

— Лера права, Слава. Ты это знаешь. Постарайся принимать более взвешенные решения, — мягко попросил Шаргион голосом Коса. — Мы от тебя зависим. Так что...

— И ты туда же! — рассердился Слава. — Да не полечу я на платформы, не полечу! Пошел спать. Обсуждайте без меня, какой я придурок! А я — отдыхать. Утром отправлюсь на разведку.

Он поднялся и быстрыми шагами пошел в каюту, где жил с Лерой.

Это было большое помещение, фантазией Славы и Леры превращенное в цветущий сад. Система обеспечения корабля, которая по желанию своих хозяев могла принимать любой вид, расцветку и вкус — стоило только мысленно представить искомый объект, — создала некую помесь

будуара и пышного сада. Здоровенная прямоугольная кровать, застеленная белоснежными простынями, стояла посреди каюты, окруженная цветами и травами. Тут были все цветы, которые могли вспомнить путешественники. Они по-настоящему пахли, покачивали головками под легким ветерком и выглядели как самые что ни на есть натуральные. В углу журчал ручеек, переливался через камни, образуя небольшой водопад.

Одним из развлечений парочки было конструирование все новых и новых деталей их маленького мирка. Над головой темнело звездное небо, напоминавшее темный бархатный ковер, усыпанный серебряными гвоздиками, а в дальнем углу висела Луна, служившая чем-то вроде светильника.

Но сейчас Славе было не до красот, и вдыхать запах ночной фиалки, который ему нравился с детства, он не стал. С разбегу плюхнувшись на постель, закрыл глаза и постарался настроиться на завтрашнюю «прогулку».

В голову лезли сторонние мысли, и он никак не мог сосредоточиться. Вспоминалась Земля, почему-то школа, где он работал учителем литературы, затем корабль торговцев, увезший его на Алусию, где из него сделали то, чем он являлся сейчас. Он вспоминал своих друзей, оставшихся на Алусии, Рой керкаров, приютивший их с Лерой, когда они спасались от преследования, и в его душе потеплело — все-таки хорошо, когда у тебя есть друзья. Он верил, что вернется назад, к ним. А как может быть иначе? Ведь по-другому будет несправедливо. Он столько пережил, столько вытерпел... Должны же испытания когда-то закончиться? Или — только со смертью?

Рядом легла Лера — он почувствовал, как она прижалась к нему упругим, желанным телом. Он повернулся к жене, обнял ее, она поцеловала его в губы... раз, другой, третий... а закончилось все так, как обычно. Через час. Их ласки были бурными, они как будто прощались — кто знает, когда увидятся в следующий раз. А потом как-то сразу уснули и спали без сновидений, расслабленные и спокойные.

ГЛАВА 2

— Будь осторожен! Может, надо было затемно вылететь? — Лера озабоченно смотрела в глаза мужа и держала его за руки, как будто боялась, что он исчезнет навсегда.

Слава сжал ее в объятиях так, что она слегка пискнула, и отошел в сторону — пора отрастить крылья.

Лера с любопытством смотрела за тем, как трансформируется его тело. Еще не привыкла. Впрочем, как и сам Слава. Не так давно они приобрели свойства метаморфов, чтобы воспринимать процесс выращивания крыльев как что-то обыденное и не стоящее внимания.

Процесс трансформирования занял несколько минут, довольно неприятных, хотя Слава и отключил у себя болевые ощущения. Сейчас его можно было резать на части, и он бы ничего не почувствовал. Однако организм все равно реагировал на перемены лихорадкой, поднятием температуры, так что у Славы темнело в глазах.

Наконец все закончилось, и он облегченно повел в воздухе огромными кожистыми крыльями. Все преобразование проходило в пределах массы тела человека, в пределах того материала, который он предоставил мозгу для превращения. Нельзя было изменять только мозг, все остальное довольно легко перекраивалось так, как было нужно хозяйину.

— Демон! Ты самый настоящий демон! — восхищенно сказала Лера и погладила его по кожистому крылу, невзначай переходя на голое бедро. — Ты такой brutальный... такой самец! Уххх!

— Лер, отстань! — Слава хохотнул и смущенно убрал ее шаловливую руку, подкравшуюся к самому сокровенному. — Не до того сейчас. Вот прилечу...

— А может, попозже полетишь? — лукаво, с надеждой осведомилась Лера и снова попыталась совершить акт агрессии.

— Отстань! Я же не железный! — отбился Слава.

Встал на краю портала и взглянул с высоты на расстилающуюся внизу равнину. Отсюда было видно, где заканчивается плато Космодрома и начинается степь, покрытая

желто-зеленой растительностью, а дальше, на горизонте, лес, навевающий воспоминания о планете амазонок.

— Все, милая, мне пора. — Он помахал рукой, прощаясь с женой, и, вздохнув, ухнул вниз, набирая скорость.

Пролетев метров пятьдесят, он распахнул крылья и вытянул длинный хвост, напомилавший драконий и имевший на конце что-то вроде громадного опахала. Крылья хлопнули, как развернувшийся парашют, остановили падение, но Славу тут же закрутило вокруг оси.

Летать — не такое уж простое действие, как можно подумать, особенно для бескрылого человека. Нет, вернее, так — для человека, бывшего бескрылым большую часть своей жизни.

Слава с трудом прекратил вращение, усиленно работая крыльями и хвостом, и перешел на планирование, оттягиваясь в сторону границ Космодрома.

Накануне они с Лерой обсуждали способы передвижения. То, что передвигаться надо именно по воздуху — в этом сомнений не было. Не пешкодралом же топать! В воздухе, по их общему мнению, существовала только одна опасность — попасть под удар мегабластеров платформ. Обитатели поверхности планеты ничего летунам сделать не могли. Ну, если, конечно, не спускаться на расстояние выстрела — пятьсот метров и ниже. За пятьсот метров мелкие лазеры могли лишь обжечь, не более того. Существовала опасность получить пулю из какого-нибудь мощного пистолета или ружья, но кому это надо — палить по летающим высоко в небе птицам? А с поверхности планеты Слава и должен был выглядеть большой птицей. По крайней мере, надеялся, что так оно и будет. Для видеодатчиков на платформах он тоже предстанет летающим существом, а не ракетой и не флаером — крылья они разглядят без проблем. Если же полететь, используя гравитационный луч, есть реальная опасность, что его примут за какой-то механизм. Само собой: ведь в природе ничто бескрылое не летает. Ну да, скорее всего он успел бы уклониться от смертоносного луча, но зачем метаться по миру, ускользая от удара? Для умного человека как-то несолидно.

Крылья мерно работали, кровь бежала по жилам, и в душе у Славы поднялась волна радости. Полет! Ну что может быть красивее настоящего полета — не во флаере, не в громадном космическом корабле, а птицей парить в небесах! Внизу проплывали башни звездолетов, ровная, временами поблескивающая поверхность Космодрома, а потом пошла зеленая степь. На синем небе ни облачка, желто-оранжевое солнце сияет, поливая прерию потоками лучей. Хорошо! Душа пела, и Слава неожиданно для себя запел вслух старую-престарую песню «сталинских соколов»:

Все выше и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ!

Он посмеялся над своим порывом и усилием воли успокоил волнение сердца, мощно бьющегося в груди. Крылья взмахивали все сильнее, все увереннее, а песня рвалась и рвалась на волю, пока... пока радостное настроение не омрачилось упавшей на Славу тенью.

Он поднял голову вверх и увидел, что над ним зависли две здоровенные... Птицы? Ящеры? Д-драконы?!

Эти существа были раза в три крупнее человека — тонкокостные с громадными крыльями и хвостами, похожими на хвост Славы. Но самое главное — в их глазах светился разум. Они что-то проклекотали, явно обмениваясь информацией — говоря и получая ответ, потом одна из них спикировала на Славу и попыталась ухватить его за крыло.

Слава сделал вираж и уклонился — впрочем, достаточно неуклюже. Ну куда ему соревноваться в маневрах с созданиями природы, родившимися с крыльями? Ящероптица что-то злобно прокричала, заложила круг и снова решительно бросилась в атаку. Слава не стал уклоняться, а встретил ее мощным ударом в зубастую челюсть, напоминавшую морду нильского крокодила. Тварь отлетела назад, выбросив изо рта брызги крови и слюны, и закувыркалась, падая вниз. На Славу снова пала тень, и, посмотрев вверх, он с досадой и опаской заметил вверху сразу десяток летающих

«крокодилов». Они образовали что-то вроде хоровода, видимо, наблюдая за происходящим и ожидая результата атаки. Увидев падение своего товарища, в атаку кинулись сразу трое разумных тварей.

И тут Слава ударил гравитационным лучом. Ему надоела эта круговерть, он был очень раздосадован тем, что какие-то пакостники испортили великолепное настроение, а еще — ему не хотелось залечивать раны, без которых точно бы не обошлось.

Гравитационный луч разошелся довольно широким веером, захватив сразу несколько экземпляров летающих существ. Со стороны это выглядело так, как если бы кто-то дернул их вниз за когтистые лапы — вес сразу увеличился в сотни раз, и они камнем полетели к поверхности планеты. Скорость падения была очень велика — тварями будто выстрелили из гигантской пращи. Неизвестно, были ли они живы сразу после удара, но, после того как врезались в планету, шансов выжить у них практически не осталось. Оставшиеся как будто осознали, что нападать на Славу нельзя, и, яростно работая крыльями, унеслись куда-то на юг.

Слава, подумав, решил: они, вероятно, поняли все так, что его защитил Хозяин — кто же еще мог на этой планете управлять гравитацией! Но что это были за твари? Местные животные? Но они разговаривали, совещались! Такие же, как он, инопланетяне? Почему на них не было ни одежды, ни оружия?

Так и не придя ни к какому выводу, он полетел дальше, туда, где на горизонте виднелся город. Или селение. Кто знает, как назвать скопление домов количеством в несколько сотен! Наверное, все-таки город.

Прежде чем подлететь к нему, он забрался на высоту километра в три и прекратил работать крыльями, застыв на месте и положившись на подъемную силу ветра.

Ветер тут был очень даже недурной — он бил в перепонки, держа Славу на весу, оставалось лишь слегка пошевеливать крыльями и парить, глядя с огромной высоты.

Но особо смотреть было некогда — Слава сосредоточился и перешел в транс, чтобы видеть информационные пото-

ки, пронизывающие пространство. Мир сразу изменился — стал черным, как ночь, и проявились пакеты информации. Они выглядели, как бесшумно проносящиеся цепочки, связывающие платформы, невидимые днем в сиянии светила, с чем-то внизу, на поверхности планеты. Присмотревшись, землянин заметил, куда уходит один из ближайших потоков, и снова вышел в обычное пространство. Сложил крылья, ударил хвостом, направляя тело вниз, и нырнул, как пловец к заветной раковине-жемчужнице.

Ниже, ниже... Ветер свистит в ушах, уплотняясь от скорости, обтекает тело, как прохладная вода. Не долетев сотню метров до поверхности, Слава распахнул крылья — хлопок! — и начал планировать на восходящих потоках горячего воздуха.

Закрыв глаза, быстренько определился: ага, тут. Метров пятьдесят до места. Шевельнул крыльями, но приземлился неловко — едва удержался на ногах. Вот он, приемник информации! Скала. Просто скала. Хм... почему это — просто? Усеченная сверху пирамида, похожая на скалу, избороденная временем, ветрами, загаженная птичьим пометом, но тем не менее явно настоящее дело чьих-то рук. Или механизмов. Высота метров десять, в основании — квадрат со стороны тоже метров десять.

Постучал по ней костяшками пальцев — скала как скала. С виду. Разбежавшись, взлетел, сделал круг и приземлился на верхнюю неширокую, размером примерно метр на метр, площадку. Выругался: наступил прямо в свежий птичий помет. Похоже, что такую удобную штуку используют хищные птицы для охоты за мелкими зверьками (с нее удобно выслеживать), а еще — как столовую и сортир одновременно.

Брезгливо отер ногу, встал на чистое место, только собрался снова войти в транс — помешала какая-то мелкая гадость, спланировавшая на площадку. Что-то вроде летучей мыши — сплошные зубы, крылья и когти. Шипит, кидается — чуть за ногу не укусила, негодяйка! Слава врезал по ней пинком, как Марадона по мячу, — тварь с визгом улетела вниз, оставив на ноге глубокую царапину, тут же

ставшую красной, воспаленной, и зажгло, будто прикоснулся к раскаленному утюгу. Яд!

Организм тут же залечил рану, яд был нейтрализован, но несколько минут Славу потряхивало, как после болезни. Если бы он был обычным человеком, скорее всего уже валялся бы трупом, и эти твари рвали бы его плоть. Чертыхнулся: видимо, здесь как летающее существо — так мерзкая гадость! Что за планета такая злостная?! Где соловьи? Где простые милые птички, которые могут напакостить, только обгадив стекло автомобиля? Эти твари — хорошо если не порвут крышки того же автомобиля и не выбьют стекла... Птички божи!

Быстро нырнул в транс и попытался пропустить через себя поток информации, подключившись к нему как промежуточный компьютер, и мгновенно получил энергетический удар: «Несанкционированный доступ! Уничтожить преступника!»

Он бросился со скалы, раскрыв крылья, и едва успел отлететь метров на десять, как получил гравитационный удар, хряснувший его о поверхность планеты.

Похоже, что он все-таки отклонился от оси луча, поэтому получил не миллион г, а всего лишь сотню. Чего, впрочем, хватило, чтобы распластать его, как морскую звезду. Хрустнули ребра, боль рванула живот и грудь...

Слава потерял сознание.

— Пап, это что за существо?

— Я откуда знаю? Похож на человека. Метка на щеке... Ух ты, вроде как из охраны Космодрома! Только я не видал там такого. Странно. Очень странно. Уходить надо, не то вяжемся в какие-нибудь неприятности!

— А он красивый... смотри, какие волосы... Он живой! Дышит!

— Ну, дышит и дышит. И пусть пока дышит. Тут. А нам идти надо — скоро ночные скригги на охоту выйдут. Ты хочешь, чтобы они тебя сожрали? Нет? Тогда поехали.

— Пап, ну давай заберем его с собой! Они же его сожрут! А он такой красивый... крылья, хвост... плечи какие... хм...

А что это на нем такое? Штаны короткие, смешные такие. Как трусы. Узелок... ага... Смотри, штука какая... Ой!

— Не надо. Ты можешь сильно пораниться. — Слава перехватил своей здоровенной ручищей руку тонкой девушки с зеленоватой кожей. Она от неожиданности ойкнула и выронила вибронож, который собиралась включить, сдвинув переключатель.

Девушка замерла, вытаращив глаза от страха, а ее отец выхватил из ножен мачете и бросился на помощь дочери, замахнувшись на землянина. Тот послал ему умиротворяющий импульс, и абориген замер, опустив оружие и тяжело дыша.

Он тоже обладал слегка зеленоватой кожей, как и девушка, гораздо более светлой, чем у зеленых на Алусии, но общим строением тела напоминал обитателей планеты рабовладельцев — такой же высокий и тонкий. Если для мужчины это казалось не очень приемлемым, то женщины зеленых выглядели очень соблазнительно, как, к примеру, эта девушка — на вид от шестнадцати до двадцати лет, худенькая, большеглазая, одетая в длинную юбку с разрезом и топик, обтягивающий маленькую крепкую грудь.

Слава встал, сложил крылья, поднял свой рюкзачок, вложив туда вибронож и спросил, стараясь говорить спокойно и медленно:

— Вы живете в этом селении?

Аборигены молчали, как будто парализованные сознанием того, что эта крылатая штука может говорить на их языке, потом девушка, осмелившись, сказала:

— Да, мы из Хурага. Я Надия, а это мой папа — Аруст. А ты кто? Ты инопланетянин? Зачем ты поставил себе метку охранника Космодрома? Тебя за это накажут.

— А какую нужно было метку?

— Я не знаю, — растерялась девушка. — Это Командир знает. Видишь, у нас метки? Мы жители Хурага. Всем при рождении ставится такая метка. А тебя могут убить, если ты придешь в город с меткой Космодрома. Все знают охранников. А тебя не знают.

— А что, в других городах тоже ставят метку на скулу?

— В других — на руку, на ногу, на лоб, на ухо — в разные места. И все знают — этот человек родом из такого-то города. Закон такой.

— Хватит болтать! — неожиданно рявкнул мужчина. — Это какой-то крылатый руаз, а ты с ним тут болтаешь! Поехали. А ты, руаз, подумай о безопасности: скоро выйдут на охоту ночные скригги, так что тебе придется плохо. Ночью надо быть под крышей.

— А что, уже вечер, что ли? — удивился Слава и с оторопью увидел, что светило почти касается горизонта. Неужели он столько пролежал без памяти? Получается, что так. Гравитационный удар был очень силен, и телу понадобилось много времени, чтобы восстановиться. Можно сказать, что его просто расплющило о поверхность планеты. Чудо, что уцелел. Вот так вот — хакерствовать! Чуть жизнью не заплатился. Силен, невероятно силен Хозяин.

Слава сосредоточился и внедрил в голову мужчины мысль о том, что надо бы помочь этому руазу, привезти его в дом, накормить, устроить на ночлег... Видимо, получилось у него вполне добротнo, потому что абориген, доброжелательно улыбнувшись, сказал:

— Вообще-то ты права, дочка, надо помочь этому руазу. Пропадет здесь без нас. Тебя как звать, руаз?

— Слава меня звать. Скажи, а тут все разговаривают на вашем языке?

— Нет. Это только мы, шарны, говорим на шарнатоне. Между собой в основном. А главный язык — харрат. На нем ведутся все документы. Мы сохраняем наш язык с незапамятных времен. У нас самая большая колония шарнов. Есть еще колонии, но там меньше народа. Тебе нужно будет выучить харрат, иначе жить на планете нельзя. Все, поехали — скоро светило сядет! Дочка, запрыгивай! Слава, не мешкай! Залезай на мешки! И это... когда подъедем к воротам, ляжешь, я накрою тебя полотном. Иначе охранники заинтересуются, кого я везу. Могут тебя забрать и потащить к Командиру, а это не очень хорошо. Мало ли в каком он настроении — может и пакость какую-нибудь учинить.

Слава поднялся и легко запрыгнул в телегу, сколочен-

ную из досок, между которыми были укреплены пластиковые листы. В качестве лошади использовались две зверюги из тех, что Слава уже видел на Космодроме, — шестиногие, зубастые, строптивые, зло косящие глазом на своих ездоков. Аруст замахнулся на них длинной палкой, похожей на удочку, те всхрапнули, дернули телегу и довольно бодро потрусили по колеям степной дороги, хорошо различимой в пожухлой траве. До города оставалось километра два, так что у Славы было время снова перейти в человеческое состояние, убрать крылья и хвост. Зачем раздражать людей своим видом? Заодно поставил себе на скулу метку Хурага.

Через пять минут он уже выглядел как обычный парень лет двадцати пяти — тридцати и, пока ехали до города, успел надеть на себя широкие холщовые штаны — подобные он видел на охранниках Космодрома — и легкую куртку, из той же оперы.

Спутники Славы поглядывали на него с большим опасением, но ничего не говорили по поводу преобразования «найденыша», как будто так и надо. Само собой неспроста. Слава основательно внушил им спокойствие и выдержку. А что еще оставалось? Без помощи аборигенов ему не разобраться в хитросплетениях местной жизни. А уговаривать помочь незнакомых людей просто глупо. Добрых самаритян на самом деле очень мало, и они обычно плохо заканчивают свою жизнь. Гораздо практичнее любого незнакомого человека считать если не врагом, то уж недоброжелателем наверняка. Тем более когда ты находишься на планете, совсем не гостеприимной к человеку.

Городок представлял собой огороженное длинной стеной поселение, с воротами, башенками, охранниками и огневыми точками. Слава сделал вывод, что этот мир не лишен бича всех миров — военных конфликтов. Конечно, существуют ограничения на войну, наложенные Хозяином, но... кто мешает забраться по стене, нормально пограбить и отправиться обратно, в свой город? Впрочем, тоже чревато. В городе живет несколько тысяч жителей, и если они начнут палить, а платформы врежут из бластера, что тогда? Хотя... люди обычно обойдут любой запрет, даже самый

хитрый и жестокий. Такова правда жизни. Из книг Слава знал, что больше всего краж, совершаемых карманными воришками, происходило на площадях, при скоплении народа, жадно взирающего на то, как казнят подобных воришек.

Ворота они проехали под ругань охранника, заявившего, что, если Аруст еще так припозднится, будет кормить своей задницей ночных тварей. Ворота должны были быть закрыты еще пять минут назад, и, если бы его не ждали, давно бы их закрыли. Аруст сказал что-то извиняющееся, и телега медленно прогромыхала в городок. Здоровенные ворота медленно затворились, и наступила тишина, прерываемая лишь скрипом колес и топотом тягловых шестиногов. Потом послышался скрип ворот, и голос девушки весело сказал:

— Все, приехали! Вылезай!

Слава перекинул ногу через борт телеги и легко спрыгнул на утопанную площадку закрытого двора. Шестиног недовольно покосился на незнакомца, коротко всхрипнул и попытался укусить его за плечо. Слава коснулся разума животного и удивился: он был полуразумен, то есть более разумен, чем обычные животные, — на уровне маленького ребенка! Землянин успокоил зверя, и тот, вместо того чтобы укусить, высунул фиолетовый язык и лизнул Славу в запястье, оставив полоску липкой слюны. Слава похлопал его по шее, и тот тихо замурлыкал, как кот, почесываемый за ухом. Аборигены изумленно наблюдали за происходящим — девушка раскрыла рот и подперла голову рукой, совсем по-земному, простонародному. Затем покачала головой и тихо сказала:

— Никогда такого не видала! Дрозды ненавидят людей! Они никогда не ластьются к чужим! Как ты смог так завоевать его доверие? Ты действительно странная личность! Видно, что инопланетянин. Несмотря на твою одежду, скрыть, что ты только что прибыл на планету, невозможно. Пойдем в дом, будем ужинать. Может, сможешь отцу разгрузиться? Мы ездили к соседям за товаром, нужно сбросить мешки. Ну, а я пока ужин приготовлю.